

МАСТЕР-КЛАСС Л. Е. КЕРТМАНА

УДК 930.85

«ОТВЕТИТЬ НА ЭТОТ ВОПРОС МОЖЕТ ТОЛЬКО ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»: ФРАГМЕНТ ЛЕКЦИИ Л. Е. КЕРТМАНА

Публикуется уникальный архивный материал из фондов кафедры всеобщей истории Пермского университета – фрагмент лекции профессора Л. Е. Кертмана, посвященной теоретическим и методологическим проблемам истории культуры.

Ключевые слова: Л. Е. Кертман, история культуры, теория и методология истории культуры, духовная жизнь общества.

В архивном фонде кафедры всеобщей истории Пермского университета, создателем и бессменным руководителем которой был Лев Ефимович Кертман, хранятся уникальные аудиозаписи его лекций по курсу «Теория и методология истории», прочитанные студентам исторического факультета зимой 1986 г.

Для публикации в юбилейном номере «Вестника» был выбран небольшой фрагмент лекции, посвященной теоретическим и методологическим проблемам истории культуры. В ней Л. Е. Кертман обосновывает ключевые положения своих историко-культурологических исследований: предметом истории культуры должно быть не только научное и художественное творчество, но и духовная жизнь народных масс; не только история помогает глубже понять культуру, но и культура – историю. «Без понимания духовного бытия данного общества... мы не понимаем историю, мы себя обманываем», – утверждает лектор.

Мемуарная литература, посвященная профессору Кертману, наполнена восхищением его лекторским талантом. Данная публикация поможет понять, какого рода был этот талант и почему его лекции оказывали почти магическое воздействие на аудиторию.

Этот фрагмент лекции привлек внимание еще и потому, что в нем идет речь о планах на следующий, 1987, год: «Я много думал над тем, что хорошо бы написать такую работу, и, может быть, я в будущем году найду время, чтобы ее написать. Под примерным названием таким: “Клеточка культуры” или “Клеточка духовной жизни”». Замысел не был реализован по известным причинам, но лишний раз подтверждает, что главным своим делом Л. Е. Кертман считал теорию и историю культуры.

Лекция Л. Е. Кертмана, прочитанная студентам исторического факультета Пермского государственного университета зимой 1986 года (фрагмент)

...Естественно, раз духовное бытие, духовная жизнь общества становятся предметами нашего исследования, то надо постараться поглубже проникнуть в вот этот феномен: что это такое – духовная жизнь общества? Из каких элементов она состоит?

В значительной степени «беда» всех буржуазных историко-культурных исследований – не столько в идеалистичности подхода, который преобладает, естественно, в буржуазной культурологии, сколько в невыясненности, в таком, собственно, поверхностном подходе к тому, что есть культура вообще. Даже если автор не прямо, но по существу понимает под культурой что-то наподобие духовной жизни. Он стихийно примерно так трактует понятие культуры, но именно стихийно, именно не разобравшись в этом феномене духовной жизни.

А ведь что значит познать какое-то явление вообще? Это прежде всего значит «расчленив» это явление на составляющие его элементы, понять, из каких элементов оно состоит и в каком отношении эти элементы находятся друг к другу; именно тогда возникает комплексное, системное представление об изучаемом объекте.

Из чего же она состоит, эта духовная жизнь, или духовное бытие общества? Ну, прежде всего бросается в глаза, что она состоит из двух основных «этажей», двух основных уровней: профессионального духовного творчества, того, что принято называть духовным производством (т.е. из деятельности ученых, художников в широком смысле этого слова, мыслителей различного профи-

ля, распространителей идей, педагогов и т. д.). Этот, так сказать, «верхний» уровень духовной жизни, который, собственно, и находит наиболее стойкое воплощение в определенных материальных субстратах, которые сохраняют этот духовный потенциал общества <...>

Лев Ефимович Кертман в студенческой аудитории, 1970-е гг.

И вторая беда буржуазной методологии, а в значительной степени (и я должен с грустью это отметить) пока и марксистско-ленинской методологии, заключается в том, что изучается преимущественно этот верхний слой, этот уровень, этот этаж, который является плодом и самим процессом духовного производства профессионалов, идеологов в широком смысле слова. И в результате такого подхода получилось, что история культуры пока представлена в весьма ограниченном виде, весьма односторонне и, в конечном счете, на мой взгляд, в общем-то неверно. Ибо неполнота, в общем-то, и приводит, в конечном счете, к извращению процесса, непониманию реальности данного процесса.

Вот у Маркса есть такая чрезвычайно интересная формулировка. <...> Маркс, перечислив различные виды идеологии или духовной жизни (правовые идеи, философские идеи и т.д.), далее говорит: «Весь класс творит все это. Весь класс, не только идеологи, не только философ, творит философские идеи, не только художник творит эстетическое состояние общества, а весь класс». Мысль глубочайшая! Недооцененная до сих пор! <...> Глубочайшая, действительно, мысль, ибо нижний, условно говоря, этаж духовной жизни, духовного бытия общества,

т.е. та духовная атмосфера, то деяние духовное, которое осуществляется не на уровне профессионального творчества, а осуществляется людьми, поскольку они – люди, поскольку они, опять же, Homo Sapiens ...представляет собой и самостоятельно великую историко-культурную ценность, само по себе, и в то же время источник высоких культурных достижений профессионалов.

Вот только так подойдя к вопросу, можно, во-первых, достаточно широко трактовать понятие культуры, понятие духовной жизни общества, не сводя его, по существу, к истории деяний интеллигенции, как это на практике нередко получается. И, во-вторых, подходя так к этому вопросу, можно найти решение одного из сложнейших методологических вопросов историко-культурного исследования, а именно вопроса о роли народных масс в развитии культуры.

Ну, мы ведь знаем все, что решающая сила в истории – это народные массы. Когда мы говорим об экономическом развитии, мы говорим, что народные массы – основные производители материальных ценностей. Когда мы говорим о политической борьбе, мы говорим, что теория становится материальной силой, когда она овладевает массами, что массы решают, в конечном счете, исход классово-вой борьбы. А когда доходит дело до духовной жизни, до культуры, вот тут-то некоторые авторы начинают, так сказать, утрачивать свою уверенность в правоте марксистско-ленинского тезиса о решающей роли народных масс в истории.

Они, конечно, этого не говорят. Но если тот же глубокоуважаемый Максим Павлович Ким (российский историк, специалист по истории отечественной культуры) пишет, что в области истории культуры роль народных масс выражается в том, что они создают материальные ценности и дают тем самым возможность интеллигентам создавать ценности духовные, то это, в общем-то, означает, что непосредственно народные массы в создании духовных ценностей никакой роли не играют! Пассивный пьедестал, вроде того как рабы были в античном мире пассивным пьедеста-

лом, на котором разворачивалась политическая и духовная история античности. Вот так и написано, прямо черным по белому. Т.е. они понимают, что надо сказать о решающей роли народных масс, вот они и говорят: решающая роль в том, значит, что если бы крестьяне не сеяли, не пахали, то не было бы у Гегеля хлеба, не было бы и диалектики. Вот в чем роль народных масс. Ну да, и в этом, конечно: все в мире имеет значение. Однако в действительности вот такое расшаркивание перед народом сопровождается чрезвычайным принижением действительной роли народных масс в духовном развитии человечества, действительным низведением роли народа до какого-то механизма, создающего пьедестал для творцов культуры, для мастеров культуры.

Если бы это было так, то тут ничего не поделаешь. Если бы это было действительно так. Но в том-то и дело, что в повседневной жизни, трудовой деятельности и в нетрудовой деятельности, в жизни семьи, в жизни любых дружеских групп, в обычном человеческом бытии постоянно, непрерывно происходит процесс духовного развития.

Я много думал над тем, что хорошо бы написать такую работу, и, может быть, я в будущем году найду время, чтобы ее написать. Под примерным названием таким: «Клеточка культуры» или «Клеточка духовной жизни». Ну, вы знаете, как Маркс, анализируя экономическую структуру общества, нашел «клеточку» материального бытия. И благодаря тому, что он ее нашел, он смог построить всю свою концепцию капитализма. Именно товар – вот клетка! <...>

И вот найти такую «клеточку» духовной жизни было бы чрезвычайно важно. И я так думаю, что в теоретическом плане можно утверждать, я попытаюсь так утверждать, что такой клеточкой является каждый акт общения между людьми. Каждый акт общения. Что я понимаю под общением? Это необязательно непосредственный разговор или обмен взглядами и т.д. Можно сидеть, запершись в кабинете, и о чем-то думать, вы все равно при этом неизбежно как-то духовно общаетесь или с какими-то авторами, чьи произведения вы обдумываете, или вы думаете о человеке, с которым сегодня встретились. Общение с конкретными людьми или с человечеством в целом все равно присутствует. Но главным образом, конечно, имеется в виду непосредственный акт общения. Ведь родовое понятие человека вам хорошо известно, определение этого понятия: «совокупность общественных отношений». Через человека проходят самые разнообразные общественные отношения! Он об этом не задумывается, конечно, но объективно это так: человек – животное общественное, и поэтому акт общения представляет собой выражение природы человека, его особенности, его принадлежности к человечеству. А так как люди неповторимы, так как нет двух одинаковых людей, нет двух одинаковых листиков на дереве, двух одинаковых отпечатков пальцев нет, на чем строится значительная часть криминалистики, как вы знаете. <...> И поэтому такие оригинальные слова, как «Я тебя люблю», произносившиеся много миллиардов раз на Земле, все-таки в каждом конкретном случае пусть ничтожно, но все-таки отличаются каждый раз от того, что произносилось, потому что это говорит данное лицо и данному лицу. Вот в этом смысле можно говорить, что клеткой духовной жизни является акт общения, потому что в каждом акте общения происходит добавление чего-то, пусть ничтожно малого. Так же, как производство каждой новой шляпы ничего не меняет в структуре капитализма, так же каждый конкретный акт общения ничего не меняет в духовном климате данного общества, но вот в качестве «клеточки», то есть одной стомиллиардной этого процесса, – да, играет, каждый-каждый акт. То есть вы сейчас не просто сидите на лекции, а вы двигаете вперед нашу культуру. Можете с чувством собственного достоинства всегда, в каждый момент, о себе так понимать.

Дело в том, что этот процесс порождает, точнее, уже на заре человечества начал порождать, определенные нравственные критерии бытия общества, что называется, «стихийно». «Стихийно» в том смысле, что эти нравственные критерии не были сформулированы в учебнике нравственности. Но вовсе не стихийно: их люди создавали. Почему это стихийно? Их создавали люди, добавляя на своем опыте, убеждаясь в том, скажем, спартанцы вон убивали своих детей. А это нехорошо для общества, это вредно для общества, это аморально. Нельзя, значит, уничтожать живую плоть, даже если она кажется тебе несоответствующей стандартам спартанской красоты и так далее. Кто это придумал? Кто эту эволюцию осуществил? Вот именно люди, профессионально этим не занятые. Они заняты охотой, земледелием, потом они заняты промышленностью, политической борьбой, мало ли чем.

И вот расскажу вам, что года два тому назад на одном таком симпозиуме мне с профессором Кимом пришлось столкнуться, так сказать, в споре по всем этим вопросам, и он придумал доволь-

но хитрую штуку, надо сказать, в полемике со мной. Он поставил вопрос так, что я в общем-то прав, но не надо слишком обобщать эту точку зрения. <...> Он говорит: «Давайте расчленим культуру на три стороны: культура научная, культура эстетическая и культура нравственная». Так вот он говорит, что, дескать, то, что вы говорите о культуре нравственной, – тут да, я сдаюсь, и буду дальше только так и писать, как вы говорите. Но вот <...> в культуре научной и культуре эстетической он остается, так сказать, при своих, поскольку там народные массы только создают предпосылки деятельности творцов. Ну, во-первых, спасибо и на том! Ибо научными истинами можно пользоваться, позаимствовав их у специалиста, достаточно эффективно пользоваться, в то время как если истину нравственную ты прочтешь в каком-нибудь произведении, но она не будет соответствовать твоему внутреннему статусу, тому, к чему ты привык, что господствует в твоей среде, то эти нравственные истины никакого веса, так сказать, в реальном бытии иметь не будут. Так что тут различие существенное, и поэтому мне можно было бы, наверное, даже отступить, согласиться. Но я все-таки не согласен.

Ну, возьмем, например, сферу эстетическую, которая, несомненно, занимает большое место в духовной жизни человечества. Некоторые авторы, кстати сказать, склонны сводить, так сказать, историко-культурные познания к познанию именно этого художественного, эстетического аспекта культуры. Конечно, художественная культура занимает колоссальное место в жизни человечества, но не решающее, и, во всяком случае, она к ней не сводится. Так вот, если взять сферу художественной культуры, эстетической культуры, тут чрезвычайно важно иметь в виду одно обстоятельство, которое, правда, фигурирует кое-где в литературе, зарубежной в частности, у нас я, кажется, не встречал этой мысли. Вот какое обстоятельство: что духовный эффект, так сказать, искорка какого-то духовного явления, особенно в сфере художественной культуры, возникает из соприкосновения какого-то художественного феномена и потребителя. То есть если бы на «Джоконду» никто и никогда не смотрел, то в потенции она бы обладала, конечно, некоей ценностью, но реальной эстетической ценности в жизни человечества она бы не имела. <...> И духовная атмосфера, в частности, эстетическая атмосфера, художественно-культурная атмосфера общества, она складывается не только из реальных художественных ценностей, которыми общество располагает, ...а из того, какие люди и как, благодаря своим особенностям, благодаря духовной жизни на этом втором, низовом, уровне, как люди эту ценность воспринимают. Между прочим, этим объясняется такое давно замеченное явление, что некоторые ценности искусства, давно созданные, в определенные столетия выпадают из сферы внимания человечества, не соответствуют духовным или эстетическим поискам, критериям людей этого времени. А потом вдруг по каким-то мотивам, которые, конечно, поддаются изучению, опять оказываются в арсенале духовной жизни. Это и объясняется тем, что духовный эффект высекается только из взаимодействия.

Кроме того, эстетические представления рождаются не только в результате соприкосновения с произведениями искусства. Эстетика – это все-таки не наука об искусстве, как в свое время Чернышевский доказывал, а наука о прекрасном. А прекрасное – это не только сотворенное человеческими руками в качестве произведений искусства. В наш век, так сказать, экологического взрыва, приобретающего несколько навязчивую, несколько вульгарную окраску, но, в общем-то, вполне оправданный, совершенно очевидно, что эстетическое чувство возникает и от взгляда на пейзаж, не висающий на стене, а на реальный пейзаж, и на реальную женщину, а не только на Мадонну. Вот почему? Сами подумайте. Ведь нельзя отрицать того, что эстетические вкусы рождаются непосредственно в обществе, в массе, в народе. Механизм их рождения, конечно, чрезвычайно сложен, но он, бесспорно, поддается познанию, и в частности фольклор, т.е. художественные ценности, созданные непосредственно в массе, как раз являются отражением этого, этой истины. <...>

Раскроем одну сторону пока не затрагивавшейся проблемы. Ведь, собственно, историко-культурное изучение, оно ведь имеет колоссальное служебное значение для, так сказать, «гражданской» истории. Ведь без понимания духовного бытия данного общества, данного класса на данном этапе мы ведь, по существу, не понимаем истории, мы себя обманываем. Мы экстраполируем какие-то социологические истины, которые бродят в умах идеологов, на сознание массы, делаем вид, что это совпадает. <...> Но когда это совпадает даже, это ведь приобретает в реальной действительности совершенно иные черты, потому что переплетается с тем, что родилось в самой массе, а не в среде идеологов. А ведь человек раньше, чем совершить какое-то деяние, раньше, чем

идти на баррикады, он ведь что-то соображает, что-то думает. А ведь что он думает раньше, чем проголосовать, уж во всяком случае это ведь и есть духовное бытие самой массы. И это более непосредственно связано с развитием исторического процесса, чем самые высокие художественные, скажем, достижения. Хотя их значимость в истории человечества доказывать не надо, и мы будем еще много об этом говорить.

То есть я стараюсь вам доказать, что вот этот слой представляет собой не только, так сказать, низовую подоплеку для создания высоких духовных ценностей профессионалами, хотя он и эту роль играет, хотя бы в виде, того, что принято называть «социальным заказом», вкусовым каким-то воздействием на творца. Но то, что происходит в этом слое, и есть, собственно говоря, вот такая промежуточная ступень между социально-экономическими предпосылками реального исторического деяния и самим этим деянием. Ведь нельзя же сказать, что человек пошел на баррикады, потому что ему нечем кормить детей. Потому что, когда человеку нечем кормить детей, иногда он идет на баррикады, а иногда он идет в фашистские отряды. В XX веке чаще было именно так, наоборот. Крайняя нищета порождала такой результат. Значит, он идет на баррикады, конечно, это связано с экономическим статусом и с тем, что ему нечем кормить детей. Но он, этот низовой, так сказать, социально-экономический фактор, сработает в ту или другую сторону в зависимости от духовного состояния общества, данного круга, данной среды и конкретного данного лица. И в одном его духовном состоянии он будет искать, как накормить детей путем ограбления банка, в другом – путем получения похлебки в фашистском отряде, а в третьем – пойдет на баррикады, чтобы перестраивать общество.

И вот на этот вопрос, почему он делает то, или то, или то, ни экономическая история, ни социальная история, ни история рабочего движения <...> ответить не может. Может только история культуры.

Публикация Т. З. Шмидт

Дата поступления рукописи в редакцию 24.05.2012

«ONLY CULTURE HISTORY CAN ANSWER THIS QUESTION»: PART OF A LECTURE OF L. E. KERTMAN

Publication by T. Z. Shmidt

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
tzshmidt@mail.ru

Unique audiotapes with the lectures of Lev Efimovich Kertman (a founder of the Department of General History of Perm University) on the course «Theory and Methodology of History» delivered by him in the winter of 1986 to the students of the history faculty are kept in the archive fund of the Department of General History of Perm University.

A part of the lecture devoted to theoretical and methodological issues of culture history was chosen to be published in an anniversary issue of «Vestnik». In this lecture L. E. Kertman justified the key points of his historic cultural researches: not only scientific and artistic works, but also spiritual life of common people must serve the subject of culture history; not only history gives the deep understanding of culture, but vice versa – culture helps to understand history. The lecturer stated: «Without understanding the spiritual life of a given society... we can't understand history, we lie to ourselves».

Memoir books devoted to Professor Kertman are full of admiration of his talent for delivering a lecture. This publication gives an insight into his talent and shows why his lectures produced some magical effect on the audience.

This part of lecture is of particular importance, as it gives information on a lecturer's plans for the next, 1987, year: «It would be a good job to write such a book, and, probably, next year I will find the time to do it. A title for this work could be "Culture cell" or "Spiritual Life Cell"». Obviously, his plans didn't come true, but his words proved that L. E. Kertman considered theory and history of culture to be utterly important.

Key words: L. E. Kertman, culture history, theory and methodology of culture history, spiritual life of society.